

УДК 327

ДИСКУРСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ



Романова Кира Степановна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Старший научный сотрудник,
Кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: romkira@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к концепту исторической памяти: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Базисом для исследования социальной исторической памяти послужил арсенал русской и западной психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Выделены наиболее активно исследуемые формы исторической памяти, такие как: коммуникативная память; культурная память; «мягкая» память, «жесткая» память.

Ключевые слова:

историческая память, социальная память, коммуникативная память, культурная память, коллективная и индивидуальная память, историческое сознание.

Нельзя научить любить живых, если не умеешь хранить память о мертвых. Только народ, который чтит своих героев, может считаться великим.

К. Рокоссовский – советский маршал [9]

Проблема исторической памяти объединяет вокруг себя множество наук: философию и психологию, этнографию, историю и социологию. Все они едины во мнении, что восприятие событий настоящего времени напрямую зависит от знаний и оценки событий прошлого. Историческая память – это мощный регулятор общественного со-

знания. К концу XX века, в эпоху «кризиса модерна», в профессиональной среде все чаще стали звучать высказывания, что важнейшей функцией истории является сохранение социальной памяти – ключевого механизма самоидентификации общества, его исторического достояния. Особенно это важно для социализации молодого поколения и передачи ему ментальных и социальных ценностей.

Прежде всего, надо понимать, что проблема формирования исторической памяти у молодого поколения многогранна, и влияние на нее оказывают многие факторы. Это самый сложный процесс, включающий как социальные и экономические условия,

идеологию и образование, так и общее отношение к истории своей страны. Как отмечает Б. Илизаров: «Революция конца XX – начала XXI веков в области информационных технологий и войны великих держав за контроль над ними чреват непредсказуемыми мировыми потрясениями, решительно изменяющими ход мировой истории. Новое поле битвы – социальная память человечества. Если всю предыдущую историю главным аргументом была сила оружия, то в новую эпоху на первый план выходит борьба за общественное сознание, т. е. за трактовку и коллективное понимание образов прошлого» [4].

Концепт «историческая память» интерпретируется по-разному: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как коллективная память о прошлом, как социальная память о прошлом и, наконец, просто как синоним исторического сознания. Историческая память – понятие коллективное. Она заключена как в сохранении, так и в понимании общественного исторического опыта. Коллективная память поколений может быть как среди членов семьи, определенных групп, населения города или деревни, так и у всей нации, страны и всего человечества. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального бытия. Содержание памяти составляет прошлое, но без него невозможно мышление в настоящем, прошлое – это глубинная основа актуального процесса сознания.

Историческая память есть в какой-то мере сфокусированное сознание, которое отражает значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим.

Коллективная историческая память – это не то, что историки говорят о прошлом. История, написанная профессионалами, разумеется, важна – но только для небольшой

части населения. Очень часто «написанная» история выполняет ту или иную идеологическую задачу, отражая определенные интересы власти для конкретного настоящего времени. Память – это не абстрактные знания каких-либо событий. Память – это жизненный опыт, знание событий, пережитых и прочувствованных, отражающихся эмоционально. Коллективные же воспоминания – это набор действий и чувств, которые выходят за рамки интересов узкого круга историков-профессионалов. Эти действия могут опираться на профессионально написанную историю, но они от нее не зависят. Практика рассказов о жизни в коллективах, группах позволяет лучше понять влияние детерминаций на постоянное взаимодействие между бытием человека и бытием общества. Как верно отмечает Де Гольжак В.: «Если индивид является продуктом истории, то эта история конденсирует, с одной стороны, комплекс социально-исторических факторов, которые включаются в процесс социализации, и, с другой стороны, комплекс интрапсихических факторов, которые детерминируют способности субъекта воздействовать как на его существование, так и на социальный контекст, в который он вписывается» [3, с. 225].

В современной России на волне исследовательского интереса к проблемам исторической памяти активно издаются и переиздаются классические труды таких авторов, как М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассманн, П. Рикер, Ю. М. Лотман, и многих других. Базисом для развития социальной исторической памяти послужил арсенал русской психологической науки, в которой изучение памяти как продукта исторического развития психики человека имеет длительную традицию. Плеядой выдающихся советских исследователей – Л. С. Выготским, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьевым и их последователями – было обосновано положение о том, что переход от биологических

форм памяти к высшим, специфически человеческим ее формам, «является результатом длительного и сложного процесса культурного, исторического развития» [5, с. 31]. Общественно-исторические сдвиги не только вносят в психический мир человека новое содержание, но и переводят сознание человека, а значит и процессы памяти, на качественно новые уровни [8]. Л. С. Выготский связывал с этими сдвигами две стадии развития памяти, которые были пройдены человечеством в филогенезе, а потому находящие отражение и в онтогенезе. На первой стадии память имеет непосредственную, относительно примитивную форму (эйдическую – по Л. С. Выготскому, натуральную – по А. Н. Леонтьеву). На второй, более поздней стадии, она приобретает произвольные свойства, так как опосредуется изобретенными человечеством искусственными знаками [2].

Обобщая, отметим, что концепция социальной памяти уже имеет свою историю и основополагающие идеи. К ним относятся: представления о внешней по отношению к индивидуальному сознанию коллективной памяти общества; эта память отлична от системы передачи биологической информации; она служит базисом формирования индивидуального и общественного сознания; развитие социальной памяти оказывает непосредственное влияние на развитие исторического сознания общества. «Сущность «парадигмы памяти», сформировавшейся в русле исторической антропологии, состоит в том, что предметом исследования становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества. Закономерно, что в российской исторической науке эта проблематика оказалась актуальной именно в наши дни: непрекращающиеся идейно-политические баталии вокруг событий прошлого наглядно свидетельствуют, что граждане нашей страны (зачастую представители одного

и того же поколения) не просто обладают диаметрально противоположными представлениями об одних и тех же исторических явлениях, но и мыслят различными историческими категориями, живут в разных исторических измерениях» [6, с. 448].

Нельзя не согласиться с О. Ф. Русаковой и В. М. Русаковым с тем, что «подводя итоги экскурсу в круг проблем современной политики исторической памяти, посвященной Второй мировой войне, приходится признать, что история была, есть и будет орудием политической борьбы в обществе, где ничтожная часть его жаждет не только присваивать подавляющую часть богатства, но и жесточайшим образом подавлять всех, кто вздумает этому сопротивляться» [10, с. 15]. Коллективная историческая память, так же как и индивидуальная, имеет несколько этапов развития. Во-первых, это забвение. Через определенный промежуток времени людям присуще забывать события. Это может случиться быстро, а может произойти через несколько лет. Жизнь не стоит на месте, каждодневная череда событий не прерывается, и многие из них замещаются новыми впечатлениями и эмоциями. Во-вторых, люди вновь и вновь сталкиваются с прошедшими фактами в научных статьях, литературных произведениях и СМИ. И везде толкования одних и тех же событий могут сильно отличаться. И не всегда их можно отнести к понятию «историческая память». Аргументы событий каждый автор излагает по-своему, вкладывая в повествование свой взгляд и личное отношение. И неважно, какая это будет тема – мировая война, избирательная кампания или извержение вулкана. Читатели, зрители и слушатели будут воспринимать событие глазами репортера или писателя. Различные варианты изложения фактов одного и того же события дают возможность людям анализировать, сопоставлять мнения разных людей и делать собственные выводы. Относительно прав-

дивая память народа способна развиваться только при свободе слова, и совершенно искаженной «идеологизированной» она будет при тотальной цензуре. Третий, наиболее важный этап развития исторической памяти людей, – сопоставление событий, происходящих в настоящем времени, с фактами из прошлого. Актуальность сегодняшних проблем общества иногда напрямую может быть связана с историческим прошлым. Только анализируя опыт прошлых достижений и ошибок, человек способен созидать. Французский философ и социолог Морис Хальбвакс первым выдвинул гипотезу о том, что понятия исторической памяти и истории далеко не одно и то же. Он впервые предположил, что история начинается именно тогда, когда заканчивается социальная память и традиция. Нет необходимости фиксировать на бумаге то, что еще живо в воспоминаниях. Историческая память является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания, это «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» [11, с. 22].

Память сохраняется долго. Проблемы, вызываемые, к примеру, геноцидом, очень значимы даже тогда, когда речь идет о давних геноцидах – будь то Холокост или армянский геноцид (в результате которого погибли более 2-х миллионов человек). То же состояние вызывают мировые войны, революции, гражданские войны, внутренние братоубийственные войны (современная Украина). Как отмечает одна из самых ярких фигур в современной социальной психоте-

рапии Анн Шутценбергер, эти значимые состояния переживаются как глубокие «психологические травмы», последствия которых несут на себе последующие поколения [12, с. 233]. Как говорится в Библии: «Родители съели зеленый виноград, а у детей появилась оскомина на зубах».

Исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «идентичность» – «память» – «дискурс» – «образ» – «миф» оказываются взаимно увязанными друг с другом, существующими в одном проблемном поле. Эти понятия очерчивают смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти; и они же, как представляется, достаточно четко показывают, в чем заключается секрет притягательности исследований по истории исторической памяти. Отличительная особенность рассматриваемой области исследований – ее поистине бескрайнее предметное поле. Память народа о прошедших событиях выражалась разными способами и в различных формах. В сфере внимания специалистов по исторической памяти находятся такие формы, как: «коммуникативная память», охватывающая воспоминания трех-четырёх живущих ныне поколений; «культурная память», соединяющая современность с давним прошлым [1]; «мягкая» память (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях); память «жесткая» (закрепленная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов) [13, с. 46]; «обыденная память» – обыденные представления о прошлом; «историописания» – эволюция профессиональных, научных практик [7, с. 6].

Обращение к историческому опыту в ходе политических дискуссий, поляриность оценок исторических деятелей и событий,

попытки кардинально изменить картину исторического прошлого в общественном сознании вызывают ожесточенные споры. Политика в области исторической памяти базируется на сознательной подгонке фактов исторического прошлого под задачи формирования национальной идентичности, а это не всегда совместимо с поиском истины, и именно в историческом познании исполнить это требование труднее всего. Вопросы методов и средств, с помощью которых социальные институты совершают работу по дешифровке структур идентичности людей из других исторических эпох, которые могут быть применены для анализа нашей собственной идентичности, для вскрытия дискурсивной, образной или мифологической природы нашего собственного исторического сознания и памяти, будут предметом рассмотрения во второй части статьи.

1. Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М., Языки славянской культуры 2004. – 368 с. – С. 50–59.

2. Выготский Л. Собрание сочинений в шести томах. Т. 2. М. – Л., 1982. С. 214–215, 392–395; Т. 3. М. – Л., 1983. С. 86–90. Философское обобщение психологических теорий памяти было предпринято в работах М.С. Роговина: Философские проблемы теории памяти. М., 1966; Проблемы теории памяти. М., 1977.

3. Де Гольжак В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Пер. с франц. И.К. Масалкова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. 240 с.

4. Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии, 1985, № 8. С. 60–69.

5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в двух томах. Т. 1. М., 1983. С. 31.

6. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. – Самара, 2011. – 448 с.

7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / Пер. с англ. И. Шебуковой. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2004. – 624 с.

8. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.

9. Рокоссовский К. Ежедневник Звезда, 17 августа 2016 года, № 32 (100). с 7.

10. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая от-

ечественная война и политика исторической памяти. Часть II // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2016. № 2 (23). С. 8–17.

11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас, 2005, № 2–3. С. 22.

12. Шутценбергер А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача трав и практическое использование геносоциогаммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 240 с.

13. Эткин А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 46.

1. Assmann Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokix kul'turax drevnosti / Per. s nem. M., Yazyki slavyanskoj kul'tury 2004. – 368 s. – S. 50–59.

2. Vygotskij L. Sbranie sochinenij v shesti tomah. T. 2. M. – L., 1982. S. 214–215, 392–395; T. 3. M. – L., 1983. S. 86–90. Filosofskoe obobshhenie psixologicheskix teorij pamyati bylo predprinято v rabotax M.S. Rogovina: Filosofskie problemy teorii pamyati. M., 1966; Problemy teorii pamyati. M., 1977.

3. De Gol'zhak V. Istoriya v nasledstvo: Semejnyj roman i social'naya traektoriya / Per. s franc. I.K. Masalkova. – M.: Izd-vo Instituta Psixoterapii, 2003. 240 s.

4. Ilizarov B.S. Rol' retrospektivnoj social'noj informacii v formirovanii obshhestvennogo soznaniya (v svete predstavlenij o social'noj pamyati) // Voprosy filosofii, 1985, № 8. S. 60–69.

5. Leont'ev A.N. Izbrannye psixologicheskie proizvedeniya v dvux tomah. T. 1. M., 1983. S. 31.

6. Leont'eva O.B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossijskoj kul'ture XIX – nachala XX vv. – Samara, 2011. – 448 s.

7. Loue'ntal' D. Proshloe – chuzhaya strana / Per. s angl. I. Shebukovoj. SPb.: Izd-vo Vladimir Dal', 2004. – 624 s.

8. Luriya A.R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nyx processov. M.: Nauka, 1974. 172 s.

9. Rokossovskij K. Ezhenedel'nik Zvezda, 17 avgusta 2016 goda, № 32 (100). s 7.

10. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Velikaya otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' II // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2016, № 2 (23). S. 8–17.

11. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas, 2005, № 2–3. S. 22.

12. Shutcenberger A. Sindrom predkov. Transgeneracionnye svyazi, semejnye tajny, sindrom godovshhiny, peredacha trav i prakticheskoe ispol'zovanie genosociogrammy. – M.: Izd-vo Instituta Psixoterapii, 2001. – 240 s.

13. E'tkind A. Stoletnyaya revolyuciya: yubilej nachala i nachala konca // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5. S. 46.

UDC 327

DISCOURSES OF HISTORICAL MEMORY

Romanova Kira Stepanovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Associate Professor, Senior Rresearcher,
Candidate of Philosophical Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: romkira@yandex.ru

Annotation

The article discusses various approaches to the concept of historical memory: how the method of preservation and transmission of the past in the era of the loss of tradition, like an individual memory of the past as the collective memory of the past, as the social memory of the past and finally just as a synonym of historical consciousness. The basis for the study of social historical memory served as the Arsenal of Russian and Western psychological science, which the study of memory as a product of the historical development of human psyche has a long tradition. The most actively studied forms of historical memory such as communicative memory, cultural memory, soft memory, hard memory.

Key words:

historical memory, social memory. communicative memory, cultural memory, collective and individual memory, historical consciousness.